

Александр ФОМИН

Благодарность Бернарда Шоу

В 1947—1950 ГОДАХ я работал вторым секретарем советского посольства в Великобритании, и мне пришлось встречаться с рядом видных представителей английской культуры. Особенно запомнились две короткие встречи с прославленным Бернардом Шоу.

Первая состоялась в конце 1948 года в советском посольстве на просмотре наших фильмов, куда пришел Шоу. Мэри Притт, активная участница многих прогрессивных организаций Великобритании, жена известного юриста и члена английского парламента Д. Н. Притта, представила меня Бернарду Шоу.

— Вы-то мне и нужны, — сказал Шоу, услышав, что я — представитель ВОКСа.

Выразив готовность быть полезным, я начал рассказывать, какой большой популярностью пользуются в Советском Союзе произведения Бернарда Шоу.

Выслушав меня, Б. Шоу суровым тоном заметил:

— О том, что мои книги популярны и издаются большими тиражами, а пьесы идут в театрах Советского Союза, я неоднократно слышал и от других. Но почему СССР не платит мне гонорара?

Я опешил. Все стоявшие вокруг нас рассмеялись. Опершись на палку, Шоу, усмехаясь, в упор смотрел на меня. Оправившись от смущения, я пытался объяснить, что Советский Союз не входит во «Всемирную организацию по защите авторских прав». Поэтому, когда произведения советских писателей издаются за границей, иностранные издательства тоже не переводят в СССР положенные гонорары. Кто-то из присутствовавших заметил, что если бы английские радиостанции и музыкальные коллективы вы-

плачивали гонорар только за исполнение произведений Прокофьева, Шостаковича и Хачатуряна, то они должны были бы ежегодно переводить Советскому Союзу многие десятки тысяч фунтов стерлингов.

Шоу сказал, что в советское посольство он заехал на минутку, по делу. Дело в том, что в Англии готовится издание его полного собрания сочинений. На титульном листе каждого тома планировалось поместить портрет писателя, но ему не нравятся работы, сделанные английскими художниками. Он хотел бы поместить свой портрет, выполненный известным советским графиком М. И. Пиковым. Две недели назад он написал художнику с просьбой прислать ему этот портрет — гравюру на дереве, чтобы литографы могли отпечатать с нее оттиски. Шоу просил ускорить получение портрета, и я обещал это сделать. Распрощавшись с нами, Шоу пошел к выходу.

Утром на другой день я сказал о состоявшемся разговоре с Бернардом Шоу послу Георгию Николаевичу Зарубину. Он дал мне указание подготовить по этому вопросу проект телеграфного сообщения в Москву.

Вскоре пришел ответ, что принято решение выплатить Бернарду Шоу в качестве первоначального гонорара 20 тысяч фунтов стерлингов. Сообщалось также, что в адрес посольства М. И. Пиков выслал гравированный портрет Шоу.

Когда гравюра была получена, я, позвонив предварительно по телефону, поехал к Шоу. Его дом находился в 75 километрах к северу от Лондона, в деревне Эйот-Сент-Лоренс (графство Хартфордшир).

Готовясь к встрече, я прочитал всю имеющуюся в посольстве литературу о

Шоу и его творчестве. Я много думал, как лучше по существу и по форме изложить те проблемы, с которыми я к нему ехал. И опасался, что знаменитый остроумец опять поставит меня в тупик.

Чем ближе я подъезжал к месту, тем дороги становились уже, а покрытие их все хуже и хуже. Дом Шоу стоял на возвышенности, с краю деревни, и был огорожен высоким зеленым забором. Земляная дорога, поросшая травой, вела прямо к воротам. Я подошел к калитке и дернул ручку звонка. Открыла женщина лет 45 в простой крестьянской одежде, голова ее была повязана белым платком, из-под которого выбивались светлые рыжие волосы. Пока я объяснял женщине цель моего приезда, появился Бернард Шоу. Увидев на улице мой «воксхолл», он резко приказал: «Загоняйте машину во двор», — пошел к воротам и стал выдвигать засов.

Учитывая преклонный возраст писателя — Шоу было 92 года, — я со словами «разрешите» бросился к засову. На помощь. «Прочь, — гневно крикнул он, — я еще мужчина и все сделаю сам».

Отойдя в сторону, я с опаской наблюдал за действиями Шоу. Он вытащил тяжелый засов из скоб и, с трудом удерживая его на уровне груди, покачиваясь, словно штангист, из стороны в сторону, понес его к забору. Разделавшись с засовом, Шоу крикнул мне «загоняй!», а сам стал открывать ворота. Когда я доехал до указанного места, Шоу громко скомандовал: «Стоп! Глуши мотор. Ставь машину на тормоза». Выполнив все команды, я вышел из машины и смотрел, как Шоу продельвает в обратном порядке весь ритуал с закрытием ворот.

Подойдя ко мне семенящими мелкими шажками, Бернард Шоу левой рукой приподнял соломенную шляпу, а правой вынул из кармана носовой платок и стал вытирать пот с лица и шеи, молча глядя на меня улыбающимися бледно-серыми глазами. Его старческое лицо выражало удовольствие и радость совершенным подвигом, хотя он тяжело дышал и руки его дрожали. Я боялся открыть рот, чувствуя себя неловко, даже пристыженно. К нам подошел секретарь Шоу, представившийся мистером Левиным, и начал расспрашивать, не трудно ли было найти дорогу, понравились ли мне окрестные места.

Затем Бернард Шоу пригласил меня в

дом и провел в просторную комнату на первом этаже. Все стены от пола до потолка были заставлены стеллажами с книгами. Среди них я успел заметить «Тихий Дон» М. Шолохова, «Дни и ночи» К. Симонова, избранные произведения И. Эренбурга. На полках слева стояли только произведения самого Шоу, изданные на разных языках во многих странах мира.

Мы уселись за большой стол. Шоу сидел посредине.

Женщина с рыжими волосами принесла чай и печенье.

Я передал Бернарду Шоу оригинал гра-

Рисунок
Дэвида ЛЕВИНА (США)

вюры М. И. Пикова. Поблагодарив, он обещал вскоре ее вернуть.

За чаепитием я внимательно рассматривал писателя. Одет он был в холщовые рубашу и брюки. Рубаша навыпуск подпоясана крученой веревкой с кисточками на концах. Он был седой, как лунь. В своем льняном одеянии Шоу казался словно обесцвеченным, увядающим. На мои комплименты Бернард Шоу отвечал довольно язвительными замечаниями, суть которых сводилась к тому, что все хорошее он сделал в прошлом, сейчас ничего не пишет, только пачкает бумагу, ругается с домашними и издателями, иногда с руководителями лейбористской партии. Заметил, что газеты и журналы не всегда публикуют его критику антисоветской политики британского правительства.

Я напомнил писателю о нашем разговоре в советском посольстве об издании его произведений в СССР и сказал, что советское издательство готово в качестве первоначального гонорара выплатить 20 тысяч фунтов стерлингов. При этих словах Шоу, сидевший до этого с полужакрытыми глазами, повернул голову и стал пристально, молча смотреть на меня. Выражение его лица менялось мгновенно, оно было то серьезным, то лукавым, то загадочно-улыбчивым.

Секретарь писателя Левин подал мне карточку, на которой было указано — Мидлбанк и номер счета Шоу.

— Переведите гонорар на этот счет, — сказал он.

Наступила пауза.

— А ведь большая часть советского гонорара попадет в руки моих врагов — министра финансов Стаффорда Криппса и министра иностранных дел Эрнеста Бевина. Я этого не хочу, — неожиданно произнес Шоу.

Левин стал разъяснять мне, что Бернард Шоу в прошлом году получил большой гонорар за издание своих книг и постановку пьес в различных странах, поэтому с советского перевода английское правительство возьмет большую часть в качестве подоходного налога. Секретарь писателя тут же попросил меня вместо денег прислать акции на 20 тысяч фунтов стерлингов, так как они не облагаются подоходным налогом.

Я сказал, что в Советском Союзе нет частных предприятий, а поэтому не существует и акций.

Поразмыслив немного, секретарь пред-

ложил, чтобы мы передали Шоу драгоценные камни на всю сумму гонорара. Я сказал, что не могу сразу дать ответ, потому что посол должен сообщить об этом предложении в Москву и там будет принято решение, которое я доведу до сведения писателя.

Во время этого разговора Шоу, облокотившись на стол и поддерживая ладонями склоненную голову, безмолвно слушал. Потом он резко поднял голову и решительным тоном сказал:

— Это не пройдет. Потому что противозаконно. Мои злейшие враги С. Криппс и Э. Бевин посадят меня за решетку, ведь они считают, что я главный большевик в Англии. Я не хочу последние годы провести в тюрьме и там умереть.

В комнате воцарилась тишина.

— Пусть мой гонорар, — сказал Шоу, — пойдет на благо советского народа. Своим героизмом в борьбе против злейшего врага человечества — гитлеровской Германии — советские люди заслужили величайшее уважение всех честных мужчин и женщин на земле. И мое тоже. Мы все обязаны Советскому Союзу тем, что сейчас мир. Передайте Советскому правительству, что я отказываюсь от причитающегося мне гонорара.

В комнате стало тихо. Секретарь, видимо, был недоволен тем, что его усилия получить гонорар из СССР закончились безуспешно.

Первым нарушив немую сцену, я сказал секретарю, что у меня больше вопросов нет и что если Советское правительство может быть чем-либо полезным Бернарду Шоу, то прошу дать знать об этом.

Мы тихо вышли во двор, чтобы не нарушать покой писателя.

Секретарь открыл ворота. В эту минуту на крыльце появился Бернард Шоу, он улыбался и приветливо махал рукой. Я подошел к нему и от всего сердца поблагодарил.

Бернард Шоу был человеком прогрессивных убеждений, приветствовал Октябрьскую социалистическую революцию, восторженно отзывался о строительстве социализма, посетив СССР в 1931 году. О двух коротких встречах с великим английским писателем я счел необходимым рассказать сегодня, чтобы напомнить о том, что Бернард Шоу до последних дней своей долгой жизни с уважением и любовью относился к нашей стране, к нашему народу.